

О.П. Лебедушкина

«ДОМ, В КОТОРОМ...» МАРИАМ ПЕТРОСЯН КАК «ИТОГОВЫЙ ТЕКСТ» ДЕСЯТИЛЕТИЯ

В 2009 году роман Мариам Петросян «Дом, в котором...» еще в виде рукописи оказался в списке финалистов премии «Большая книга», затем, не победив в официальном голосовании, стал одним из лидеров голосования читательского. Кроме того, многочисленные читатели и поклонники появились у «Дома, в котором...», когда «бумажная» версия не была издана, а на сайте «Большой книги» в интернете были размещены только две части романа. Далее последовали отзывы литературной критики, среди которых отдельно стоит выделить положительные оценки Андрея Немзера [4], Дмитрия Быкова [1], Марии Галиной [2]. 2010 год принёс Мариам Петросян «Русскую премию» в номинации «Большая проза».

При этом речь идёт о пока единственной книге этого автора, т. е. – о дебюте, который сразу обратил на себя такое внимание читателей и экспертного сообщества.

Особенность романа Петросян состоит ещё и в том, что он создавался в реальности, фактически параллельной тому, что можно было бы назвать отечественным литературным процессом. В российскую литературную ситуацию Мариам Петросян никак не была вписана. Она работала над романом более десяти лет, и его выход в свет совпал с концом первого десятилетия XXI века.

«Дом, в котором...» – это роман, написанный армянкой, выросшей в двуязычной среде, живущей в Ереване, по ту сторону «зазора», как обозначил нынешнее состояние культурных связей между Россией и Арменией писатель и литературовед Григорий Кубатьян [3]. При этом текст Петросян лишён каких бы то ни было признаков национального колорита. Мир «Дома, в котором...» абсолютно вне-национален. Неизвестно, в какой стране, на окраине

какого города стоит Дом, в переводе с какого языка клички-имена героев означают Слепой, Кузнецик, Курильщик, Лорд, Красавица, Ведьма, Волк. Комплекс эпитафий, скрытых и явных цитат книги отсылает нас, скорее, к англоязычной традиции – Редьярд Киплинг, Льюис Кэрролл, Кен Кизи, Уильям Голдинг, Ричард Бах. В то же время этот список представляет собой, скорее, универсальный международный набор молодёжного чтения.

Иначе говоря, во всех отношениях роман Петросян стал для русской словесности «сюрпризом», как выразился председатель Совета экспертов «Большой книги» Михаил Бутов.

Тем не менее, в нескольких тезисах хотелось бы показать, что «Дом, в котором...» представляет собой не вызов отечественным литературным ожиданиям последнего десятилетия, а, наоборот, их закономерное отражение и переосмысление на более высоком и сложном уровне.

1) Роман Мариам Петросян может быть рассмотрен в культурном контексте литературы на русском языке, создаваемой в постсоветском (и шире – не-российском) пространстве, т.н. «литературы диаспор». О том, что эта «альтернативная русская литература» привлекает к себе всё больше внимания, говорит не только успех «Дома, в котором...», но и ещё более заметный и характерный успех «евророманов» Лены Элтанг.

2) Роман Мариам Петросян оказался и одной из самых удачных реакций на всеобщую тоску по большой эпической форме. В обстоятельствах, когда современный русский роман фактически тяготеет к западному канону novel, «Дом, в котором...» с объёмом в 900 с лишним страниц стал «большой книгой» в буквальном значении этого выражения. Не-

маловажно и то, что книга построена по жанровым принципам саги: роль поколений как одного из важнейших сюжетообразующих компонентов здесь играют выпуски обитателей Дома.

3) Герои Мариам Петросян – подростки. Резкое «омоложение» героя современной прозы, произошедшее в минувшее десятилетие, критикой и исследователями отмечалось многократно. Причём, здесь следует упомянуть сразу о двух тенденциях, в равной степени имеющих отношение к предмету нашего разговора. С одной стороны, это внимание к детству и отрочеству как определённым экзистенциальным темам, что проявилось ещё в конце 1990-х в прозе Олега Павлова или Николая Кононова. С другой – это появление сразу нескольких «волн» «молодёжной» прозы «двадцатилетних», пишущих о подростках – т.е. о себе и своих сверстниках, – начиная с Сергея Шаргунова и Ирины Денежкиной и заканчивая Сергеем Чередниченко, Мариной Кошкиной, Егором Молдановым и др.

4) С темой «подростковости» как формы бытия современного героя связан устойчивый мотив сиротства, представляющий собой символ культурного разрыва, отсутствия культурной преемственности между поколениями и эпохами. Несколько лет назад это наиболее чётко выразил Захар Прилепин словами героя романа «Санья»: «Мы – безотцовщина в поисках того, чему мы нужны как сыновья». Герой-ребёнок-сирота (вариант: ребёнок, от которого отказались родители, сдав его в детдом или специнтернат) только в прошлом году обращает на себя внимание сразу в трёх абсолютно разных, но очень заметных книгах: в романе Мариам Петросян, романе Егора Молданова «Трудное детство» и документальной книге Эдуарда Кочергина «Крещённые крестами». Кроме того, если учесть влияние новых переводов на отечественный литературный контекст, стоит вспомнить и роман Питера Хёга «Условно пригодные», который тоже по определённой логике появился на русском языке именно в 2009 году.

5) Физическая и ментальная ущербность, увечья и болезнь обнаруживают себя в романе Петросян как метафора сиротства с одной стороны и отрочества, взросления – с другой. Здесь поразительны сходства появившихся одновременно «Дома, в котором...», чаще всего в жанровом отношении определяемого как фэнтези, и внешне реалистического, во многом автобиографического романа Егора Молданова «Трудное детство». Не случайно первым и очень основательным откликом на «Дом, в котором...» стала рецензия Егора Молданова в его Жи-

вом Журнале. Сходные коннотации можно найти и в «Классе коррекции» Екатерины Мурашовой.

6) Проблема постчеловечества и сверхчеловечества. В этот контекст героев Петросян неожиданно, но не без оснований поместил Дмитрий Быков, проведя аналогию с «самоварами» Михаила Веллера. При этом тенденция «преодоления человеческого в человеке» в современной словесности гораздо шире, достаточно вспомнить вампиров и оборотней Виктора Пелевина («Empire V», «Священная книга оборотня»), трилогию Владимира Сорокина («Лёд», «Путь Бро»Ю «23 000»), людей-насекомых Алексея Лукьянова («Жесткокрылый насекомый») и Анны Старобинец («Переходный возраст»).

Таким образом, при ближайшем рассмотрении роман Мариам Петросян вовсе не выглядит абсолютным сюрпризом на фоне мэйнстрима отечественной словесности.

Однако в не меньшей степени здесь стоит учесть и глобальный общекультурный контекст, причём, именно те влияния, которые стирают зыбкую грань между т. н. «элитарной» и массовой культурой.

Для начала вспомним, что главный ребёнок-подросток-сирота (характерно, что - помеченный увечьем (шрамом на лбу)) – он же – главный сверхчеловек массовой культуры конца 1990-х – начала 2000-х – конечно же, Гарри Поттер. Хогвартс с его замкнутостью и недоступностью для мира простых смертных предшествует Дому, в котором живут герои Мариам Петросян, сами себя отгородившие от «наружности» и отгороженные от неё миром взрослых и «полноценных».

Что касается другого очевидного влияния – аниме-культуры, Мариам Петросян, мультипликатор по профессии, неоднократно его подтверждала в своих интервью [5]. Кроме того сюжет – героиподростки, обладающие уникальными способностями, – один из наиболее типичных для аниме-культуры: достаточно вспомнить такую классику жанра, как «Сэйлор Мун», «Наруто», «Белый крест», «Хеллсинг» и др. или анимационную экранизацию комиксов Marvel «Люди X».

Литература:

1. Быков Д. Порог, за которым // <http://www.gzt.ru/column/dmitrii-bykov/-porog-za-kotorym-/291098.html>.
2. Галина М. Дом, наружность и лес // Новый мир. – 2010. – № 3.
3. Кубатьян Г. Зазор // Дружба народов. – 2005. – № 2.
4. Немзер А. Не такие уж мы убогие // Время новостей. – 2009.
5. Петросян М. «Мои герои не хотят расставаться со своим детством...» // Первое сентября. – 2010. – № 1.